

974106

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

А. А. ШАРИПОВ

ГЕНЕРАЛ
Н. В. КРИСАНОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

А. А. Маринин

ГЕНЕРАЛ
Н. В. КРИСАНОВ

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 3

С чувством глубокой признательности благодарю Л. Д. Крисанову, О. В. Беляву, Л. В. Карбышеву, М. А. Клочкина, М. Р. Кошкина, С. В. Сутурину и сотрудников Архива Министерства Обороны за помощь в работе над книгой.

Автор

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

Василий Крисанов, молодой рабочий Суксунского завода, приехал на заработки в Пермь. Множество людей, городской шум подействовали на него ошеломляюще. Но больше всего Василия удивила Кама, пароходы. Только что открылась навигация. Капитаны судов на все лето прощались с родными местами. Целый день бродил Василий по берегу реки, любуясь красавцами пароходами, не торопясь прошел до самой Нижней Курьи.

Василию Крисанову повезло. Он устроился кочегаром на буксирный пароход. Любознательный и трудолюбивый, вскоре он стал масленщиком. Когда выдавались свободные минуты, Василий из машинного отделения поднимался на палубу и с жадностью наблюдал за работой команды. Поглядывая на капитанскую рубку, мечтал: «Эх, хорошо бы вот так, самому повести пароход». Искусство судовождения захватило его. Однажды он зашел к капитану и, подавляя застенчивость, предложил:

— Хорошо бы так сделать, чтобы члены команды научились заменять друг друга в работе. Большая польза была бы...

Капитану Демидову понравилось предложение молодого рабочего. В конце разговора он сказал:

— Если есть желание, то изучите правила судовождения, фарватер и в свободное от вахты время приходите к нам практикантом-рулевым.

Шутил Демидов или говорил серьезно — понять было трудно: ведь для того чтобы встать за штурвал парохода, требовалось кончить курсы и пройти трех-четырёхлетнюю практику старшим матросом. Но Василий Крисанов решил выполнить совет капитана. Он много занимался самостоятельно,

читал, присматривался к тому, как работают товарищи, вникал в любую мелочь.

В следующую навигацию, не успела Кама освободиться от льда, пароход «Братья Курочкины», на котором работал Василий Крисанов, первым вышел в плавание. Восемь большегрузных барж, целый небольшой движущийся городок, покорно потащились за буксиром вниз по Каме, а затем по Волге. Снега в том году растаяли рано и дружно, воды было

Василий Федорович Крисанов —
отец Н. В. Крисанова.

очень много. Сразу после Царицына открылась водная гладь без берегов. Над караваном вдруг собрались грозные тучи, и разыгрался сильный шторм. В схватке со стихией тогда погибли два рулевых и один матрос. Место одного из рулевых занял Крисанов.

Дела по службе шли хорошо. В четвертую навигацию Василий Крисанов стал помощником капитана. Вот тогда-то он и понял, что одно дело вести судно под руководством вахтенного начальника, а другое — самому отвечать за судно, за жизнь команды, да за караван с грузом. Помощнику капитана многое нужно знать. Поэтому Василий Кри-

санов все свободное время отдавал изучению судовой практики, общей лоции, теории незатопляемости и даже кораблестроения.

Наконец сбылись долгожданные мечты — Крисанова назначили капитаном. Василий Федорович с капитанского мостика парохода «Братья Курочкины» впервые самостоятельно подал команду: «Полный вперед!»

Василий Федорович все силы и талант отдавал любимому делу. Выходец из трудового народа, он хорошо понимал душу и чаяния матросов и кочегаров. К нему с большим уважением относились все члены команды парохода.

Все реже приходили мысли о Суксунском заводе. Пермь

становилась родным городом. Василий Федорович женился, купил дом на Камышловской улице.

В разгар подготовки к очередной навигации, в солнечный апрельский день 1893 года в семье Крисановых родился сын — Николай. Василий Федорович обрадовался появлению на свет наследника. «Капитаном будет!» — сказал он, улыбаясь.

Наталья Михайловна — мать Николая — была дочерью кузнеца из Перми. Сама с детства привыкшая много трудиться, она и сыну стремилась привить любовь к труду, к знаниям. Ведя в доме большое хозяйство, Наталья Михайловна умела выкраивать время на самообразование. Она очень любила читать, и эту любовь передала сыну. На всю жизнь запомнил Николай рассказы матери о «мужицком царе» Емельяне Пугачеве, о разных случаях из жизни родного города.

В 1901 году Николай пошел в школу. Началась новая жизнь. Мальчик быстро сдружился со своими одноклассниками, был очень живым, подвижным. Эта живость первое время даже мешала учению. Чтобы отвлечь сына от лишних уличных игр, Наталья Михайловна решила учить сына музыке и наняла учительницу. Появились новые интересы. Скоро Наталья Михайловна увидела, как музыка преобразила Колю. Улучшились его оценки в школе. Он стал более собранным, научился ценить и рассчитывать время.

Николай рано научился плавать. Любил кататься на лодке. Зимой он не расставался с коньками и лыжами. И все это не в ущерб учению.

«Николай был хорошим учеником, — вспоминает его сестра Ольга Васильевна, — веселым, жизнерадостным. Он был хорошим другом для своих сестер, а потом и товарищем по школе».

Наталья Михайловна Крисанова — мать Н. В. Крисанова.

Летом Василий Федорович брал с собой всю семью на пароход. Мальчиком Николай повидал Симбирск, Самару, Саратов, Царицын, Астрахань. Все лето проходило в непрерывной смене впечатлений. Николай рано научился самостоятельно осмысливать события. А жизнь, окружавшая его, была полна противоречий.

Свободная, широкая Кама — и бурлаки, которые тянут груженные баржи в любую непогоду. Изможденные от недоедания лица, лохмотья — и здесь же рядом, в салоне первого класса комфортабельного пассажирского парохода, — пир горой, роскошь.

Николай как-то спросил у отца, показывая на веселящихся господ:

— Откуда у них столько денег?

Василий Федорович, улыбаясь, ответил:

— Бог подает... Этот вот — Курочкин, хозяин нашего парохода. А у него таких пароходов четыре, да еще двадцать четыре баржи и судоремонтная мастерская. Вот он всю свою жизнь и пьет. Такие же у него и дружки...

Николай рос очень наблюдательным, он настойчиво стремился познать природу, жизнь людей. Немалую помощь в этом оказывало ему чтение. Подражая отцу, он пристрастился читать газеты. Из узких газетных столбцов узнавал Николай о демонстрациях и забастовках рабочих, прислушивался к тому, что говорят взрослые, многое видел своими глазами. Особое впечатление произвели на него события Первой русской революции — «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года в Петербурге, шумные демонстрации в Перми.

Николай, от природы крайне впечатлительный, остро переживал всякую несправедливость. Романтика подвига, самоотверженная борьба рабочих за свои права привлекали сердце юноши.

Хорошим учеником и товарищем Николай Крисанов был и в Пермском реальном училище, куда он поступил после школы. У него были разносторонние интересы. Он не только хорошо учился, но и с увлечением играл в струнном оркестре училища. Руководил этим оркестром однокашник Николая Арий Пазовский, впоследствии известный дирижер Большого Театра СССР. Николай на всю жизнь сохранил любовь к музыке. Он хорошо играл на рояле, аккордеоне, мандолине. Жена Крисанова, Любовь Дмитриевна, рассказывает: «Несмотря на то, что я окончила театральное училище и воспитывалась в семье, где любили музыку, я столько не разбиралась

в классической музыке, сколько в этом мне помог Николай Васильевич».

Среди товарищей по реальному училищу Николай пользовался большим авторитетом. Он не был заносчив, никогда не надоедал, не был выскочкой. Его уважали за исключительное трудолюбие, за чуткое отношение к людям. Он использовал любую возможность, для того чтобы помочь людям.

Так, одно время Николай сдружился с тихим пареньком Федосеевым, который работал сторожем в училище. Федосеев был из бедной семьи, и после начальной школы вынужден был устроиться на работу, чтобы помогать семье. Но ему страстно хотелось учиться. Николай заметил это и вместе с товарищами помог Федосееву пройти весь курс реального училища. Сколько было радости, когда Федосеев сдал последний экзамен.

Николай никогда не подводил товарищей. Его сестра Софья Васильевна вспоминает: «В училище на спортивных играх один из одноклассников сломал Николаю палец правой руки. Адские боли одолевали его, но он не пошел жаловаться руководителям училища, как некоторые учащиеся ему советовали. Он не только не пожаловался, но даже при ответе на вопросы матери всю ответственность взял на себя».

Не обидеть человека, помочь ему — было законом для Николая. Другая его сестра, Ольга Васильевна рассказывает: «У меня на всю жизнь осталось в памяти, как он однажды поздно вечером, возвращаясь из училища домой, услышал стоны женщины. Подойдя к ней ближе, он услышал слабый голос: «Помогите». На следующий день он должен был сдавать экзамены, но, не считаясь со своими интересами, побежал искать карету. Нашел карету и отвез женщину в родильный дом. Домой он вернулся на рассвете. В этот же день он успешно сдал экзамены».

В 1910 году Николай Крисанов окончил реальное училище. Вопреки всем ожиданиям он получил не золотую медаль, а серебряную. Администрация училища в последний перед выпуском момент решила оставить в списке претендентов на золотую медаль лишь сыновей наиболее состоятельных лиц и известных в городе чиновников.

Летом того же года Николай Крисанов подал прошение о приеме на строительный факультет Петроградского политехнического института. Вскоре он получил уведомление о том, что допущен к экзаменам.

Василий Федорович знал, что обучение Николая в Петербурге потребует больших расходов, но он готов был отдать все, лишь бы сын получил облюбованную им специальность. На семейном совете, когда Николай, боясь, что его ученье обойдется слишком дорого для семьи, попытался было отказаться от поездки в Петербург, Наталия Михайловна сказала:

— Ничего, сын, не беспокойся. Я с сегодняшнего дня буду брать работу и шить на дому, и возьму все расходы. А там — будешь хорошо учиться — тебя, может быть, и от платы за обучение освободят.

Проводы были шумные. С грустью покидал юноша милый сердцу город Пермь, родную Каму, где прошли его детство и юность, но будущее казалось прекрасным.

Вот он, Петербург. Николай Крисанов успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен студентом политехнического института. Он очень скоро вошел в студенческую среду. Все увидели в нем умного, смелого и неподкупного товарища.

Как и все, кто поступал в институт, Крисанов вынужден был дать обязательство не участвовать в политических студенческих организациях, в том числе в землячестве и кассах взаимопомощи. Но уже в декабре 1910 года он принял активное участие в сходке. На этой сходке студенты в знак протеста против жестокостей царских властей к политическим заключенным в Зерентуйской и Вологодской тюрьмах приняли постановление прекратить занятия. Решение было проведено в жизнь: 7, 8 и 9 декабря занятия в институте не состоялись.

После сходки начальство института стало наводить справки о Николае Крисанове. Началась слежка. Крисанов стал более осторожным, но все годы ученья был одним из самых активных в политическом отношении студентов. Он хорошо знал тяжелую жизнь простого народа, видел пороки и несправедливость существующего строя.

Замечая политическую неблагонадежность Крисанова, администрация не раз пыталась расправиться с ним: отчислить из института, отдать в солдаты. Но этому мешала отличная успеваемость студента. И все-таки начальство сделало свое грязное дело. В 1914 году, когда началась мировая война, оно, не дав Крисанову закончить институт, направило его в Павловское военное училище.

Военная карьера не прельщала Крисанова, но обстоятельства заставили его смириться. В 1915 году он был выпущен из училища подпоручиком и сразу попал в Действующую армию. В составе саперного батальона участвовал в боях, был ранен.

Весть о свержении самодержавия Николай Крисанов встретил с искренней радостью. Наконец-то начал рушиться гнилой царский строй! Безоговорочно принял он Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Как встретил Крисанов Советскую власть? Были ли у него колебания, как у многих представителей интеллигенции? Сумел ли он перешагнуть тот идейный рубеж, который отделил февраль 1917 года от Октября? Для многих офицеров рубеж этот оказался непреодолимым, и одни временно, а другие навсегда остались в лагере контрреволюции.

Николай Крисанов сразу же встал на сторону трудового народа. Октябрьская революция открыла ему глаза. Он твердо поверил в то, что русский народ, вся многонациональная Россия смогут жить без братьев Курочкиных, Рябушкинских, Керенских.

Офицер Николай Крисанов добровольно вступил в ряды Красной Армии. С оружием в руках решил он бороться за народное дело. В отборочной комиссии председатель корректно прервал Николая Васильевича:

— Что из того, что вы хотите в Действующую армию, мы вас туда не пошлем.

«Не доверяют», — растерянно подумал Крисанов. Но председатель комиссии тут же успокоил его, сказав:

— Вы поймите, товарищ, у нас есть свой план. Работа, на которую решено вас послать, важнее вашего пребывания на фронте.

Так Крисанов стал начальником учебного класса саперного батальона. В апреле 1920 года его перевели в распоряжение начальника инженерных войск 5-й армии Дмитрия Михайловича Карбышева. Эта армия находилась тогда в Забайкалье.

Н. В. Крисанов — студент.

УЧЕНИК КАРБЫШЕВА

Крисанов уже несколько минут стоял у входа в кабинет Карбышева. Он чувствовал себя так, как в свое время в институте перед дверью, за которой шли экзамены. Настроение было тревожное. Хотя умом и сердцем он уже давно был на стороне революции, но ведь в душу ему никто не заглядывал. Крисанов рассчитывал на худшее. Вот и Карбышев тоже с недоверием посмотрит на его анкетные данные. Особое внимание он, конечно, обратит на то место, которое начальник отдела кадров подчеркнул красным карандашом: «Бывший офицер царской армии». В памяти еще свежи были разговоры с работниками отдела кадров, которые своими сухими, шаблонными вопросами превращали беседу в допрос.

Николай Васильевич долго стоял в нерешительности: войти или подождать. В это время из кабинета вышел знакомый по военному училищу, бывший офицер Бутуев. Обменялись новостями. Крисанов спросил:

— А что собой представляет Карбышев?

— Я его знаю больше года. Это не только хороший военный инженер, но и умный, доброжелательный к людям человек...

Не успел Бутуев рассказать всего, что интересовало Крисанова, дверь кабинета открылась, и оттуда послышалось:

— Вы ко мне? Прошу вас.

Крисанов доложил о себе и протянул Карбышеву конверт, опечатанный сургучной печатью. Начальник инженерных войск дружески улыбнулся и, пренебрежительно махнув рукой на конверт, сказал:

— Личное дело сдадите потом в отдел кадров, а сейчас садитесь, мы с вами немного поговорим.

Николай Васильевич уселся в удобное глубокое кресло и вдруг почувствовал, что напряженность и натянутость куда-то исчезли, и здесь можно вести себя просто и естественно. Он рассказал о своей семье, об институте и военном училище, о работе в саперном батальоне. Карбышев то и дело вставлял ободряющие фразы: «Что ж, бывает», «Я и сам бывший офицер царской армии», «Перемелется — мука будет», а в конце беседы сказал:

— Товарищ Крисанов, дело не в том, что мы с вами были офицерами царской армии, а в том, как мы порвали свои отношения с ней. Главное — верно служить народу. Оставляю вас при штабе армии на должности инженера-фортификато-

ра. Обстановка у нас, особенно для инженерной службы, складывается трудная. Перед нами Восточная Сибирь и Дальний Восток. Интервенты и белогвардейцы, сами знаете, вооружены до зубов. Чтобы развить наступление, нам, прежде всего, надо укрепить Забайкальский плацдарм. Здесь как раз многое будет зависеть от вас. Желаю успеха.

Встреча с Д. М. Карбышевым воодушевила Крисанова. Он целиком отдался выполнению боевого задания. Должность инженера-фортификатора армии была очень ответственна, но Николай Васильевич имел хорошую теоретическую подготовку. Он любил свое дело. Если же по некоторым оперативно-тактическим вопросам он и испытывал недостаток в знаниях, то теперь ему было у кого поучиться.

Д. М. Карбышев охотно передавал свои знания подчиненным. Он считал, что бойцы и командиры только тогда смогут правильно понять и творчески подойти к выполнению задания, когда будут хорошо знать свое дело. Один из начальников военно-полевого строительства писал Карбышеву в те годы: «Так мы запутались, Дмитрий Михайлович, что, отбрасывая в сторону всякое самолюбие, прямо скажу — без твердых письменных наставлений от вас разобраться почти невозможно... Ваши приезды до сей поры выручали. Но ведь вы один, а строителей много. И выходит, что письменные наставления — как воздух для нас, как хлеб и вода». Карбышеву приходилось составлять множество инструкций и правил, многие его разработки были ценны не только для новичков в инженерном деле, но и для специалистов.

Инженер-фортификатор Крисанов за короткое время добился успеха в оборудовании плацдарма для наступательных действий армии. Он от души благодарил Карбышева за уроки военно-инженерного искусства. Крисанов тогда не раз говорил:

— Основная причина моего успеха заключается в том, что я все стараюсь делать так, как меня учит Дмитрий Михайлович.

Николай Васильевич на всю жизнь сохранил уважение к своему учителю, старался во всем быть на него похожим. Не случайно во многом он повторил служебный и боевой путь Дмитрия Михайловича Карбышева.

Осенью 1920 года Карбышев и Крисанов были переведены в штаб Южного фронта в Харьков. Помещался штаб на Георгиевской площади, в большом старинном доме с колоннами.

Здесь в левом крыле здания, в бельэтаже, была приемная командующего Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе.

Советские войска готовились к штурму Крымских укреплений врага — начинался последний этап разгрома Врангеля.

Командующий фронтом лично принял военных инженеров, прибывших с востока. Он коротко обрисовал им обстановку, а в заключение сказал:

— Прежде всего, вам надо будет активно включиться в разработку плана двух особо важных операций: Перекопа и Чонгара. Вы мне, товарищ Карбышев, лично доложите план инженерного обеспечения завершения ликвидации Врангеля и освобождения Крыма.

Д. М. Карбышев был назначен заместителем начальника инженерного управления фронта, а Н. В. Крисанов — начальником отдела.

Вскоре начальник инженерного управления Лабунский собрал своих подчиненных и поставил перед ними задачу: подготовить и доложить свои соображения по инженерному обеспечению штурма Перекопа и Чонгара. Вместе с другими начальниками отделов засел за работу и Крисанов. Инструктировал работников управления Карбышев. Как-то он дружески посоветовал Крисанову:

— Ты, милый человек, не смотри на других: они люди прошлого, привыкли свои планы составлять в кабинетах. Поезжай-ка ты на место, проведи рекогносцировку, изучи все, как следует.

Когда собралось совещание у командующего фронтом, Карбышев доложил:

— Мы тщательно обсудили доклад начальника инженерных войск и вполне с ним согласны. Однако, чтобы этот план был доведен до конца, целесообразно было бы на Чонгарское направление послать товарища Крисанова...

Михаил Васильевич Фрунзе внимательно выслушал своих помощников и принял окончательное решение: одновременно атаковать Турецкий вал, Чонгарские укрепления и, через Сиваш, Литовский полуостров. Выполнение этого решения было связано с большими трудностями.

В статье, посвященной третьей годовщине штурма Перекопа и Чонгара, М. В. Фрунзе писал: «Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями... В сооруже-

нии их принимали участие как русские, так, по данным нашей разведки, и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны. Бетонированные орудийные заграждения в несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи, — все это в одной общей системе создало укрепленную полосу, недоступную, казалось бы, для атаки открытой силой». Сивашский железнодорожный мост был взорван, а Чонгарский деревянный — сожжен, дамба через Сиваш — разбита. Штабу фронта было известно, что при западном ветре Сиваш можно перейти вброд. Но только подует ветер с востока — Сиваш становится непреодолимой преградой. По расчетам, требовалось построить минимум четыре моста: два пешеходных и два для всех родов войск.

Командующий 4-й армией, узнав о решении Фрунзе, растерялся:

— Тылы оторваны, нет ни тяжелой артиллерии, ни авиации. И вообще инженерный отдел армии не в состоянии выполнить задачу в установленный вами срок.

— И все-таки к ночи на одиннадцатое ноября надо кончить подготовку! — спокойно ответил Фрунзе. — Я пришлю к вам фронтовых инженеров. Они помогут. Но только, — уже в тоне приказа подчеркнул командующий, — к ночи на одиннадцатое надо кончить подготовку.

По личному указанию М. В. Фрунзе в 4-ю армию приехал Крисанов. Там он встретился с начальником инженерных войск армии. Тот был категоричен:

— Переправить наши войска невозможно!

Однако Крисанов был другого мнения. Он еще в пути подготовил свои инженерные расчеты по сооружению переправы и теперь выложил их на стол.

— Вот, смотрите. Мы провели рекогносцировку. Местных ресурсов вполне достаточно для того, чтобы переправить вашу армию.

— Где мы возьмем такое количество шестиметровых бревен и круглое железо? — попытался возразить начальник инженерных войск.

— Недалеко от того места, где намечено строить новый мост, есть и бревна и круглое железо. Не мешало бы вам знать это.

Крисанов с полным знанием дела доказал возможность обеспечить переправу войск 4-й армии. Но пока это была теория. Надо было осуществить все на практике. Николай Ва-

сильевич включился в работу. Его видели повсюду: и там, где заготавливался строительный материал, и там, где забивали сваи, и там, где строили плоты. Он забывал про еду и сон, и лишь через каждые четыре-пять часов менял уставшего коня. Дмитрий Михайлович Карбышев потом так оценил эту напряженную деятельность своего ученика: «Крисанов при обеспечении форсирования Чонгары проделал титанический труд».

В первой половине дня 11 ноября по радио было передано сообщение: «Срочно. Всем, всем, всем. Доблестные части 51-й Московской дивизии в девять часов прорвали последние Юшуньские позиции белых и вступили на землю Крыма. Противник в панике бежит...»

Врангель, бежавший на французском эсминце в Константинополь, уже не мог спасти свое воинство от разгрома. 15 ноября 1920 года М. В. Фрунзе передал радиogramму В. И. Ленину: «Сегодня наши части вступили в Севастополь. Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южно-русская контрреволюция».

После окончания гражданской войны войска Южного фронта были реорганизованы в Вооруженные силы Украины и Крыма. Теперь перед ними встали новые важные задачи: обеспечить неприкосновенность границ, ликвидировать бандитизм, помочь в восстановлении сельского хозяйства Украины, шахт Донбасса, заводов и рудников Криворожья.

В первые годы мирного строительства Д. М. Карбышев и Н. В. Крисанов продолжали работать в инженерном управлении Вооруженных сил Украины и Крыма. Они учились, совершенствовали свое воинское мастерство. Исключительное значение для их развития имело то, что они близко наблюдали деятельность выдающегося полководца революции, пламенно-го большевика Михаила Васильевича Фрунзе.

Осенью 1922 года Д. М. Карбышеву и Н. В. Крисанову довелось вместе с М. В. Фрунзе инспектировать 2-й кавалерийский корпус, которым командовал герой гражданской войны Григорий Котовский. Части корпуса размещались в Бердичеве, Гайсине, Тульчине, штаб корпуса находился в Умани. Случилось так, что во время корпусных учений Н. В. Крисанов в одном из полков оказался вместе с М. В. Фрунзе. На всю жизнь запомнились ему слова великого полководца, сказанные Григорию Котовскому:

— Боец хорош, когда рядом с общественным характером сознания жива в нем его собственная личность. И чем ярче

солдатская индивидуальность, тем лучше. Что за солдат без сметки, без сильной воли, без знания своего дела.

Крисанов прислушивался к каждому слову М. В. Фрунзе, вдумывался в каждый его совет, в каждое замечание, наблюдал, как он разговаривает с бойцами и командирами.

Н. В. Крисанов (слева) и Д. М. Карбышев.

Подводя итог инспектированию, М. В. Фрунзе сказал:

— Для нас, командиров Красной Армии, самое опасное — рутинерство, схематизм и шаблонность приемов. Вместе с тем любой из приемов может оказаться подходящим в известной обстановке. В чем же дело? В том, чтобы умело выбрать из множества возможных средств именно то, которое наиболее полезно в данной обстановке. А такое умение, товарищи, дается лишь марксистско-диалектическим методом анализа. Вот одна из важнейших причин, по которым марксистско-диалектический метод должен стать руководящим в советской военной науке...

Не один раз Карбышев и Крисанов в дружеских беседах говорили о М. В. Фрунзе, восхищались его умом, мужеством, партийной принципиальностью. Для них он был образцом военного руководителя.

Вскоре после проверки 2-го кавалерийского корпуса и возвращения в Харьков Д. М. Карбышев был переведен в Генеральный штаб Красной Армии, в Москву. Друзья расстались, но их дружба не прекратилась.

В 1923 году Крисанов был назначен председателем комиссии по расквартированию войск. Эта его работа была отмечена благодарностью в приказе командующего войсками Украины и Крыма. В 1924 году он был переведен в Москву на должность начальника планового отдела военно-строительного управления Красной Армии.

Приехав в Москву, Крисанов сразу же решил повидаться с Карбышевым. Но Дмитрия Михайловича не оказалось дома — он был на одном из подмосковных полигонов. Лидия Васильевна, жена Карбышева, не удивилась приходу гостя. К Дмитрию Михайловичу часто приходили сослуживцы. Он считал своим священным долгом помогать в работе тем, кто нуждался в этом. К Карбышеву, очень простому, душевному человеку, шли с легким сердцем. Он отдавал людям все, чем сам владел.

Через несколько дней Крисанов позвонил Карбышеву. Телефонный звонок прервал подготовку Дмитрия Михайловича к очередной лекции.

— Я вас слушаю.

— Дмитрий Михайлович, спешу сообщить о своем прибытии.

— Очень рад за вас, Николай Васильевич! Милости прошу ко мне домой.

В тот же день Крисанов побывал на лекции Карбышева. Ему всегда нравилась лекторская манера Дмитрия Михайловича. Читал он без конспектов и всевозможных методичек. Говорил свободно, просто и на редкость доходчиво.

Слушая лекцию, Крисанов был уверен: все, что он здесь услышит, пригодится в работе. Лектор говорил о фортификации, о военно-полевом строительстве:

— К началу войны 1904 года наше инженерное оснащение было ничуть не хуже японского, но здесь обнаружилось наше полное неумение пользоваться техникой. Маскировочные средства не применялись. Средств форсирования вечно не оказывалось под рукой. Самые простые земляные сооружения возводились недопустимо медленно...

Когда потом в Генеральном штабе Крисановзнакомился с планом строительства военных укреплений и оснащения Красной Армии новой техникой, он невольно вспоминал слова

Карбышева, сказанные им на лекции: «Японская война показала наше неумение пользоваться имеющейся техникой и инженерными сооружениями». И тут же приходила другая мысль: «Этого не должно быть в будущей войне. Нельзя допустить этого».

Н. В. Крисанов — комбриг.

В военно-строительном управлении Крисанов проработал до 1937 года. Он был злейшим врагом парадности, очковитательства и упрощенчества в боевой подготовке инженерных войск. Подчиненные уважали Крисанова за знания, опыт, настойчивость в решении поставленных задач. При оценке работы других он придерживался хорошего правила: никогда не унижать достоинства человека. День за днем воспитывал он в себе лучшие качества советского военачальника: преданность Родине и народу, высокую идейность, умение учить подчиненных и учиться у них.

Работая в военно-строительном управлении Красной Армии, Крисанов принял активное участие в экспертизе проекта канала имени Москвы. Чтобы не ошибиться в оценке, он глубоко изучил опыт строительства гидросооружений как в

Советском Союзе, так и за границей. Когда однажды ему попалась ценная книга на иностранном языке, он полтора месяца со словарем в руках упорно штудировал ее. Никто, конечно, на этом не настаивал: он сам чувствовал потребность разобраться во всем лично, все изучить и понять.

В 1937 году Николай Васильевич Крисанов был прикомандирован к Госплану СССР. Работая в должности старшего консультанта, он и здесь горячо взялся за дело. Активный общественник, Крисанов занимался подготовкой населения к противовоздушной и противохимической обороне. Своими знаниями, трудолюбием, принципиальностью он быстро завоевал всеобщее уважение.

РОДИНА ЗОВЕТ

Наступил 1941 год. Канун войны Советского Союза с гитлеровской Германией. Уже разбиты армии Франции, Англии, Бельгии, Голландии. Западная Европа при попустительстве США, Англии и Франции по существу превращена в колонию германского фашизма. Военная машина европейских стран работает на фашистскую Германию. Народы всего мира с ужасом ожидают дальнейших событий.

В один из этих тревожных дней в Москве в доме на Смоленском бульваре встретились давние друзья, учитель и ученик — Карбышев и Крисанов. Разговор сразу перешел на международную обстановку.

— Я лично не верю в Советско-Германский мирный договор, — поделился своими соображениями Дмитрий Михайлович. — Это лишь затишье перед бурей. Жаль, Америка, Англия и Франция в свое время отказались объединиться с Советским Союзом для отпора Гитлеру. Теперь необходимо выиграть время, нельзя лезть на рожон. А война, конечно, будет. Готовиться надо...

— Золотые слова, Дмитрий Михайлович. Кстати, я уже начал готовиться. Возвращаюсь в армию. Назначен на должность начальника 5-го военно-полевого строительства.

Вскоре началась война. Крисанов был послан на строительство Брянского оборонительного рубежа. На выполнение этого задания были мобилизованы несколько десятков тысяч комсомольцев-москвичей. Фортификационные работы продолжались до ноября 1941 года. К этому времени было сооруже-

но несколько оборонительных полос, которые должны были прикрывать Брянск и Орджоникидзеград. Руководя строительством оборонительного рубежа, Крисанов одновременно, выполняя задание командования Брянского фронта, занимался формированием двадцати инженерно-строительных батальонов.

Враг, опьяненный первыми успехами, торжествовал. Фашистские полчища разбойничали на советской земле. Но и в это трудное время Крисанов ни на миг не переставал верить в победу советского народа. «Недалеко то время, — писал он в начале сентября 1941 года жене, Любови Дмитриевне, — когда сопротивление врага будет сломлено и мы освободим все районы, которые топчет немецкий сапог. Все делаем из-за большого желания, чтобы это было как можно скорее. Ну вот, моя дорогая, это все, чем я здесь живу».

В октябре танковая разведка противника подошла к оборонительному рубежу и в районе села Жуковки, где в это время находился один из инженерно-строительных батальонов Крисанова, попыталась прорвать его. Но вражеская атака была отбита. На месте боя осталось четыре обгорелых фашистских танка.

Вскоре оборонительный рубеж заняли войска Брянского фронта. Передавая им укрепления, Крисанов жалел о том, что самому не придется здесь встретить врага. Он рвался на фронт. В своем письме к жене 16 октября он писал: «Дорогая Любаша, живу двумя мечтами. Первая — это жду не дождусь, когда меня переведут в Действующую армию. И вторая: не могу дождаться от тебя письма по прямому адресу. Почему-то думаю, что сегодня привезут — поехали за почтой... На днях был на одном своем южном участке и имел довольно любопытную встречу. В одной из моих частей давала концерт московская группа актеров Большого театра — Викторина Кригер и другие, а также артисты Художественного театра...

У нас появились первые признаки зимы. Вчера утром шел снежок, который тотчас же таял на земле. Вот и прошло лето. Лето упорной борьбы великого народа за свою независимость. Осенью, глубокой осенью и зимой, немцы почувствуют сильнее, что война в нашей стране дается им не просто. Ты, конечно, читала в газетах, что на нашем фронте они потерпели большое поражение. Я сам видел их подбитые танки и броневики. Их было очень много. Хочется, чтобы и всюду (особенно на юге) их так же громили, как и у нас. Рано или несколько позже, но это всюду будет...»

В ноябре, после захвата фашистами Орла, Крисанов получил задание отойти с пятью инженерно-строительными батальонами в район города Белева для укрепления восточного берега Оки. На новом рубеже под руководством Крисанова были сооружены сотни километров траншей, тысячи огневых точек и дзотов.

Вскоре Крисанов был назначен командиром 17-й саперной бригады. Ему самому пришлось формировать ее. В это время, находясь в глубоком тылу, он писал своей жене: «Дорогая Любаша! Снова моя душа томится вдаль от фронта. Скоро мы заканчиваем то, что от нас требовалось. Празднование годовщины Красной Армии для меня совпало с получением ордена Красная Звезда. Так что для меня праздник был вдвойне. Очень много получил письменных и телеграфных, а также устных поздравлений... Любаша, враг еще не разгромлен, этот пятиконечный орден, символизирующий единство трудящихся всего мира, обязывает меня прилагать максимум усилий для того, чтобы прогнать немецко-фашистских захватчиков с нашей земли...»

В апреле 1942 года 17-я саперная бригада прибыла в район Воронежа и приступила к строительству укрепленной полосы, которая должна была прикрывать подступы к городу. Но здесь Крисанов пробыл недолго. В мае он был назначен начальником инженерных войск 4-й запасной армии, которая формировалась на севере. В июне эта армия была переброшена в район Воронежа.

СЕВЕРНЕЕ ВОРОНЕЖА

Гитлеровское командование, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от Волжского и Уральского тылов и затем захватить, летом 1942 года решило нанести главный удар по советским войскам в направлении Воронежа и Волгограда. Фашистские генералы путь на Москву через Воронеж считали самым коротким. Воспользовавшись политикой реакционных кругов США и Англии, которые затягивали открытие второго фронта в Европе, они сосредоточили свои основные силы на участке от Курска до Таганрога. Немецко-фашистская армия, добившись значительного превосходства, начала продвижение к Воронежу.

В эти дни советские люди, утраивая энергию, невозможное делали возможным. 38-я армия закончила формирование и

обучение за четыре месяца. В мирное время на это потребовались бы годы. Особенно трудно пришлось бойцам и командирам инженерных войск. Они осваивали специальности и в это же время готовились драться, как пехотинцы.

Полковник Крисанов лично принимал активное участие в обучении солдат, сержантов и офицеров. Он работал по 12—14 часов в сутки, не считая времени, которое требовалось для подготовки к занятиям. Николай Васильевич похудел, осунулся, под глазами появились синие круги. Но он радовался, наблюдая за успехами своих бойцов и командиров.

Враг рвался в Воронеж. А от Воронежа рукой подать до Москвы. Воины 38-й армии стали просить командование, чтобы их скорее направили на фронт. Трудно было обучаться, когда над страной нависла такая опасность. Крисанов жил теми же чувствами, но упорно продолжал совершенствовать боевую подготовку своих воинов. Он считал, что одной из основных причин неудач Красной Армии было отсутствие достаточной выучки.

Наконец 38-я армия, командовал которой генерал-майор Н. Е. Чибисов, получила боевую задачу: 22 июля с ходу атаковать противника севернее Воронежа. В первых же боях она показала высокую боеспособность, захватив населенные пункты Козинки, Иваново, Лебяжье. 24 июля враг предпринял контрнаступление, но был отброшен. 25 июля 38-я армия получила приказ перейти к обороне севернее Воронежа на рубеже: Малые Верейки — Суриково — Ломово — Хрущево. Здесь необходимо было создать неприступную для фашистских танков и пехоты оборону и сдерживать ожесточенные атаки врага. Особо важную роль в этом должны были играть инженерные войска.

В это время Крисанов особенно часто вспоминал своего учителя Дмитрия Михайловича Карбышева и его методы организации обороны. Но было ясно: теперь одним только прошлым не обойтись, многое, очень многое надо делать по-новому. Теперь другие масштабы. Взять хотя бы создание армейской полосы обороны: десятки тысяч противотанковых и противопехотных мин, сотни дерево-земляных огневых точек, тысячи блиндажей и укрытий для личного состава, тысячи укрытых наблюдательных пунктов для командиров, сотни километров траншей глубиной в рост человека... И все это в такие короткие сроки. При этом следует учитывать, как учил Карбышев, что сооружения и заграждения должны быть расставлены по единому плану, с учетом действий войск и выгодных для обо-

роны условий местности. Возникало множество вопросов, вставали неожиданные затруднения, порой трудно было решить, с чего лучше начать. Но время не ждало.

Хорошо изучив обстановку, Крисанов приступил к созданию глубокоэшелонированной прочной противотанковой обороны, прикрытой сплошными минными полями.

На пятидесятикилометровом участке обороны невозможно было везде успевать самому. Да это и не требовалось. У Карбышева Крисанов научился не размениваться на мелочи, выбирать главное, не подменять подчиненных. Он распределил обязанности между офицерами штаба инженерных войск, поручив им основные виды работ, а на себя взял наиболее важное: согласование инженерных мероприятий со штабом армии, штабами родов войск и с соседями. Нужно было спешить. «Виллис» Крисанова появлялся то на одном, то на другом участке обороны. Мотор часто не выдерживал нагрузки, закипала вода в радиаторе.

Полковник Сорокин, бывший начальник штаба инженерных войск 38-й армии, вспоминает: «Наша армия прибыла под Воронеж из резерва, не успев закончить формирование. Личный состав был недостаточно обучен. Однажды мы с Николаем Васильевичем находились в полосе обороны 240-й стрелковой дивизии. Вдруг какой-то солдат выскочил из траншеи на переднем крае и побежал по открытому полю. Николай Васильевич остановил его и спросил:

— Зачем ты, милый человек, не ходишь по траншее? Или хочешь, чтобы тебя немецкий снайпер убил?

Солдат при виде полковника растерялся:

— Я, товарищ полковник, со срочным донесением.

— А разве со срочным донесением по траншее нельзя бежать?

— Есть бежать по траншее! --- выпалил солдат, но почему-то усмехнулся при этом.

Николай Васильевич внимательно осмотрел траншею. Оказалось, она была настолько узка, что солдату с оружием и противогазом, то есть с полной выкладкой, пройти по ней было почти невозможно. Николай Васильевич позвал меня на третью траншею, где еще продолжались работы, и сказал:

— Вот оно в чем дело, оказывается. Они строят на глазок.

Николай Васильевич тут же взял четыре прутика, вытащил из кармана металлическую рулетку, отмерил прутики и прикрепил проволокой, получилась фигура в форме трапеции. Эту фигуру он вручил офицеру, руководившему работой.

— Товарищ капитан, вот вам форма траншей. Ройте по ней. Исправьте и ваши старые траншеи.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

— Послушание для воина — это, конечно, главное. Но это еще не все для советского офицера. Современная война требует от нас инициативы и творчества. Как только остановились, так, не дожидаясь команды сверху, и начинайте окапываться. И правильно окапывайтесь, не как-нибудь. Надо беречь себя и своих подчиненных. Земля — самая надежная оборона. Вот, послушайте, что пишет политрук Брайлян в армейской газете: «В последнем бою наше подразделение подверглось ожесточенному артиллерийскому обстрелу. В течение 50 минут гитлеровцы обрушили на нас свыше 300 мин и снарядов, казалось, места живого нельзя было отыскать. Всюду сплошные воронки! С тревогой на сердце пошел я после этого ураганного налета осматривать окопы. Но тревога оказалась напрасной. Бойцы все до одного были живы и здоровы. От огневого налета противника солдат спасли хорошие траншеи, оборудованные под руководством старшего лейтенанта Колпакова»...

Так шло сооружение очередного оборонительного рубежа. Времени было в обрез. Враг наседал.

12 августа по приказу Главного командования 38-я армия вновь перешла в наступление. Она заняла крупный населенный пункт Нижнюю Верейку и значительно улучшила свои позиции. Опять бои, опять закрепление на достигнутом рубеже.

В один из этих дней в блиндаж начальника инженерных войск прибыл с рапортом командир саперного батальона майор Лепун. Вид у него был взбудораженно-растерянный.

— Товарищ полковник, — сказал майор, — я пришел доложить вам, что личный состав батальона весь издергался «мартышкиным трудом». Что же получается? Сегодня наступали, завтра обороняемся, послезавтра опять наступаем. Сегодня заминировали, завтра будем разминировать. Сегодня копаем, а завтра перекапываем. Не понимаю, зачем наступать, если нет достаточных сил и средств? Получается, мы своих солдат понемногу отдаем на съедение немцам. По-моему, если уж наступать, то превосходящими силами, наверняка.

Крисанову майор Лепун показался жалким. Он и раньше видел в этом человеке большие недостатки: майор плохо рассчитывал время, не умел четко организовать работу, воодушевить личный состав, но дойти до такого... Крисанов спросил:

— Вам что, все это не нравится? Так?

— Я, товарищ полковник, член партии, — и майор Лепун пристально и зло посмотрел на Крисанова. — Мне, коммунисту, не безразличны наши напрасные потери. Я дальше не могу командовать батальоном.

В голове Николая Васильевича промелькнуло: «Что же это выходит, он намекает на то, что я лишь кандидат в члены партии, а он — коммунист. И он, может быть, даже не доверяет мне?» Крисанова задело за самое больное место. Он с трудом выдерживал двусмысленный взгляд майора. Николай Васильевич никогда не отделял себя от партии. Он верил в нее, считая себя «беспартийным коммунистом». Но ему, бывшему офицеру царской армии, долго казалось, что вступи он в партию, найдутся люди, которые обвинят его в карьеризме. Этого он боялся больше всего.

Выслушав Лепуна, Крисанов и его начальник штаба долго молчали. Трудно было понять, кто перед ними: нытик или человек, который не разбирается в обстановке на фронтах.

— Товарищ майор, вы понимаете, что сейчас происходит на Волге? Партия обратилась к народу с призывом: «Все для Сталинграда!»

— Понимаю, товарищ полковник, и сегодня же готов поехать сражаться туда.

— Как же так? Почему же вы не можете понять такой простой истины: если мы на своем участке не будем предпринимать активных действий, то противник снимет часть своих дивизий с этого фронта и направит их под Сталинград? Вы этого хотите?

После ухода майора начальник штаба предложил:

— Николай Васильевич, я давно изучаю Лепуна. На мой взгляд, его следовало бы на время освободить от командования батальоном.

— Ну нет, батенька, — не согласился Крисанов. — Снять его мы всегда успеем. Может быть, он все-таки поймет обстановку, перестроится, сможет шагать в ногу со всеми. Надо ему помочь.

Славная 38-я армия до января 1943 года держала дивизии 2-й фашистской армии в постоянном напряжении. Гитлеровское командование не смогло снять с этого участка фронта ни одного соединения.

В январе 1943 года, перед началом нового наступления, партийная организация 38-й армии рассмотрела заявление Николая Васильевича Крисанова о приеме в члены партии.

Он был принят единогласно. Сбылась долгожданная мечта. Радость переливалась через край, и Николай Васильевич не мог не поделиться своим счастьем с Любовью Дмитриевной. Он писал ей: «Спешу тебе сообщить, я свое обещание выполнил, вступил в ряды славной Коммунистической партии. Любашенька, сейчас другое время, нельзя иначе поступать. Война не может быть без жертв, и я, честно трудясь и сражаясь за нашу Родину, не могу погибнуть за нашу партию беспартийным. В данное время мое вступление в партию, я надеюсь, все поймут правильно».

После успехов, достигнутых Советской Армией под Волгоградом, в ставке Верховного Главнокомандования было решено разгромить группировку немецко-фашистских войск, прикрывавших Воронежско-Курское направление. Основная цель операции заключалась в том, чтобы ударами с севера и юга по флангам 2-й немецкой армии окружить, а затем уничтожить основные силы противника, освободить важный в оперативном отношении район Воронеж — Касторное и тем самым создать необходимые условия для развития наступления советских войск на Курск и Харьков.

Согласно плану этой операции, войска северной ударной группировки правого крыла Воронежского фронта, куда входила и 38-я армия, должны были начать наступление 26 января. Главные силы 38-й армии были брошены на Касторное. К 27 января им с боями удалось продвинуться на некоторых участках до 15 километров. Однако сильные морозы, снег с метелью, снежные заносы не благоприятствовали наступающим. Судьбу операции решали дороги, без них не могло быть и речи о каком-либо успехе.

На Военном совете командующий армией сказал начальнику инженерных войск:

— Вам, Николай Васильевич, теперь предстоит играть первую скрипку.

Инженерные войска 38-й армии были хорошо подготовлены к борьбе с трудностями. Все было рассчитано и расставлено соответственно плану предстоящей операции. Но Крисанов беспокоился: справятся ли бойцы и командиры со своими задачами?

...Отряд обеспечения движения на главном направлении под командованием командира 1-й саперной роты старшего лейтенанта Цицишвили вот уже сутки без отдыха расчищал дорогу. Люди устали, двое обморозили лица, трое — ноги. Мороз — к тридцати градусам. А вьюга все метет и метет. Рабо-

ты, кажется, не убывает. Требуется не только расчищать дорогу, но и устанавливать снегозащитные ограждения. Для этого была выделена половина роты. Но необходимых материалов поблизости не оказалось, а проехать в сторону от дороги невозможно. К утру 27 января отряд с невероятными трудностями прошел десять километров. Теперь, казалось, нельзя сделать ни одного шага. И сразу вслед за отрядом обеспечения движения встала колонна артиллерии и транспорт с боеприпасами и продовольствием. Дальнейшее продвижение войск застопорилось.

Единственный выход из создавшегося положения: идти в деревню и на руках принести оттуда материал для сооружения снегозащитных ограждений. Но до деревни семь километров. На работу потребуется не меньше двух суток. При этом удастся проложить колонного пути всего около пяти километров. Солдаты и сержанты уже окончательно выдохлись в борьбе со снежными заносами. Легко сказать — двое суток проработать на морозе, под пронизывающим ветром, не имея возможности обогреться!

Старший лейтенант Цицишвили решил обратиться за помощью к командиру батальона, но радиостанция батальона почему-то не ответила. Тогда он установил связь с полковником Крисановым.

— У аппарата двадцать восьмой. Слушаю вас.

— Дальнейшая работа прекращена ввиду сильных снежных заносов. Срочно требуется материал для установления снегозащитных ограждений

— Материалы вам доставлены не будут. Для ограждения от заносов используйте снег — стройте снежный забор. В основание забора загребайте снег на месте, а затем вырубайте большими кирпичами крепкий снег и укладывайте стенку. Через два часа прибудет помощь.

Вот оно что! Старший лейтенант Цицишвили засиял от радости, крикнул:

— Выход найден! Как мы с вами не могли догадаться? Полковник предложил простую вещь: от снежных заносов защищаться снегом.

Передовой отряд без отдыха и обогрева продолжал прокладывать колонный путь. Солдаты и сержанты, усталые, по пояс в снегу, строили снегозащитное ограждение из снега. К утру было проложено еще восемь километров дороги. Артиллерия сопровождения догнала боевые порядки передовых частей. Войскам армии были доставлены боеприпасы и про-

довольствие, и началось успешное преследование противника.

Полковник Крисанов на следующий день поставил перед Цицишвили новую, более ответственную задачу: обеспечить продвижение войск по маршруту Тербуны — Вторая Балынкава — Новосельская — Верхополье. На этот раз нужно было не только очистить дорогу от снега, но и разминировать ее.

В назначенный час отряд обеспечения движения подошел к деревне Новосельской. Но она оказалась занятой противником. Где же тогда передовые подразделения, наступающие в этом направлении? Вскоре саперы-разведчики установили, что они обошли этот населенный пункт с флангов.

Как же быть? Позади артиллерия, боеприпасы, продовольствие. Без всего этого наступающие долго не продержатся. Цицишвили вспомнил инструкцию полковника Крисанова: «Противник, боясь попасть в окружение на Воронежском выступе, начал отход под прикрытием сильных заслонов и арьергардов. Следовательно, необходимо действовать активно и энергично». И старший лейтенант принял решение: надо выбить фашистов из Новосельской.

Два взвода в обход деревни вышли в тыл противнику и атаковали его. Умелым маневром враг был разгромлен. Фашисты оставили на поле боя свыше тридцати трупов и много трофеев. Саперы потерь не имели, лишь один человек был ранен. Отряд приступил к выполнению своей основной задачи. Разминировав дорогу, воины старшего лейтенанта Цицишвили двинулись на Верхополье.

Узнав о подвиге саперов, Крисанов дал указание командирам частей инженерных войск ставить старшего лейтенанта Цицишвили в пример офицерскому составу. В тот же день о сражении в Новосельской Николай Васильевич доложил Военному совету армии. Заслуги саперов были высоко оценены.

Войска 38-й армии во взаимодействии с другими армиями фронта 29 января заняли важный узел обороны немецко-фашистских войск — город Касторное. К 30 января окружение Воронежской группировки противника было завершено. В проведении этой операции инженерные войска под командованием полковника Крисанова, обеспечив продвижение танков и артиллерии, проявили беспредельное мужество.

В конце февраля 38-я армия получила новую задачу: разгромить группировку противника в районе Суджи и выйти на рубеж Коренево — Хотень — Сумы. Сложность инженерного обеспечения этой операции заключалась в том, что войскам

приходилось продвигаться по очень глубокому снегу, через минные заграждения противника. Но инженерные войска под руководством полковника Крисанова и на этот раз с честью выполнили боевую задачу.

После успешного завершения Воронежско-Касторнинской операции Н. В. Крисанов за боевые заслуги перед Родиной был награжден орденом Красное Знамя. В июне 1943 года командующий и член Военного совета 38-й армии сделали представление на присвоение ему очередного воинского звания. В представлении говорилось: «Тов. Крисанов Н. В. — трудолюбивый, хорошо подготовленный, добросовестный военачальник, знающий свое специальное дело. Обладает хорошими организаторскими способностями. Знает природу современного боя, умело и своевременно обеспечивает решение командования...

Хорошо организовал инженерное обеспечение операций армии в обороне и в наступлении под Воронежем. Много времени бывает в войсках, учит молодые офицерские кадры. Инициативен... Родине предан. Должности соответствует.

Достоин присвоения воинского звания генерал-майор инженерных войск».

НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФАСЕ КУРСКОЙ ДУГИ

Немецко-фашистское командование возлагало большие надежды на победу под Курском. Оно считало, что это наступление будет иметь решающее значение. Здесь были сосредоточены большие силы. В целях достижения внезапности особое внимание уделялось использованию новой боевой техники, и в частности, тяжелых танков «тигр» и «пантера». Гитлер говорил, что победа под Курском должна стать факелом для Германии. В действительности же, битва под Курском стала не только факелом, но светочем, только не для фашистской Германии, а для всего прогрессивного человечества.

В 1943 году Советские Вооруженные Силы благодаря героическому труду советского народа в тылу еще более окрепли, войска бесперебойно стали получать необходимую боевую технику во все возрастающем количестве.

38-я армия занимала на Курской дуге юго-западный сектор обороны, прикрывая одно из важных направлений — на Обоянь. Крисанов пришел к выводу, что здесь прежде всего необходимо создать такую оборону, которая была бы способ-

на не только задержать врага, но и надежно укрыть личный состав и боевую технику от огня противника. Он энергично взялся за осуществление намеченного плана. Бойцы рыли траншеи полного профиля, строили укрытия тяжелого типа для личного состава. Упорно, часто под огнем фашистов, трудились минеры армейского саперного батальона. Многому научились они в боях под Воронежем — Касторное и на многих других участках. Теперь это были настоящие мастера своего дела.

Выполняя приказ командования о превращении Курского выступа в неприступную крепость, саперы под руководством Крисанова вместе с воинами других родов войск на рубеже Суджа — Сумы — Краснополы создали прочную оборону. Оборонительный рубеж 38-й армии состоял из нескольких позиций, прикрытых мощными заграждениями, глубиной в двадцать километров. На обратных скатах высот были устроены невидимые минные заграждения. В течение трех месяцев саперы соорудили противотанковые и противопехотные заграждения. Кроме того, они помогали укреплять позиции пехотинцам и артиллеристам, строили командные и наблюдательные пункты, прокладывали дороги.

Второго июля командующий армией предупредил Крисанова о том, что в ближайшие дни враг может перейти в наступление. Утром 5 июля фашисты, стремясь прорвать передний край обороны 38-й армии, под прикрытием танков, попытались устроить проходы в минных полях лейтенанта Сергеева. Но мощный артиллерийско-пулеметный огонь уничтожил саперов противника. Его танки и самоходные установки, боясь подорваться на минах, были вынуждены отойти на исходный рубеж. Хвост уходящего врага был окутан густым черным дымом: это три «тигра» и один средний танк подорвались на наших управляемых фугасах и горели.

Ночью саперы Сергеева, выйдя в нейтральную зону, под вражеским огнем восстановили минные поля. Но в эту же ночь фашисты сделали разведку боем и разминировали их. С грустью докладывал об этом Крисанову лейтенант Сергеев. Николай Васильевич, заметив волнение молодого офицера, сказал:

— Не падайте духом, лейтенант. Подготовьте взвод для выполнения более сложной задачи. Под огнем противника будете заполнять бреши, образовавшиеся на минных полях за третьей траншеей первой позиции. Задача будет уточнена и конкретизирована капитаном Цицишвили.

Лейтенант Сергеев задумался: зачем это нужно устраивать минные поля в расположении наших войск в глубине обороны? На них ведь могут подорваться свои. Но он быстро сообразил, в чем тут дело, и на душе у него стало легче. В памяти всплыли занятия по маневрированию инженерными средствами, которые проводил полковник Крисанов.

Утром 6 июля, после артиллерийского налета, противник пошел в атаку. Десять тяжелых и восемь средних танков с большой скоростью помчались к расположению советских войск. На одном из участков их встретила группа саперов, которая занималась восстановлением минного поля. Бойцы Мартынов и Пелипенко быстро встали у пульта 250-килограммового фугаса. Заметив мины, головной танк попытался свернуть вправо от дороги. Но было уже поздно. Раздался взрыв, и все увидели клубы черного дыма и башню танка, которая взлетела в воздух. Мартынов вовремя нажал кнопку управляемого фугаса. Танки противника повернули обратно, но два из них были подбиты метким огнем артиллеристов.

Однако на другом участке двенадцати танкам противника удалось прорвать передний край обороны. Добившись некоторого успеха, фашисты рванулись ко второй траншее. Но здесь им был приготовлен сюрприз: минные поля. Крисанов перехитрил врага. На минах взорвались четыре фашистских танка. Продвигавшиеся за танками гитлеровцы были встречены дружным ружейно-пулеметным огнем пехотинцев. Противник был вынужден отойти на исходный рубеж.

Но враг был настойчив. Утром 7 июля он вновь перешел в наступление. Опять завязался жаркий бой. Исход его был тот же. Многие танки фашистов были уничтожены метким артиллерийским огнем, другие подорвались на минах. Противнику и на этот раз не удалось прорвать оборону 38-й армии.

Еще более напряженные бои в это время были на участках обороны других армий Воронежского фронта, где в течение пяти дней шло сражение с главными силами южной группировки противника. Немецко-фашистское командование ударом через Обоянь на Курск пыталось кратчайшим путем прорваться к тылам советских войск, оборонявших Курский выступ. Но тщетно. 9 июля, израсходовав все свои резервы и не добившись оперативного успеха, фашистские войска вынуждены были перейти к обороне.

Провал плана разгрома советских войск под Курском означал для фашистов конец их попыткам похода на Москву. Понеся огромные потери в людях и боевой технике, они не

смогли добиться ослабления сил Советской Армии. Блестяще отразив наступление врага, советские войска сохранили полную способность к наступательным действиям.

Оборона 38-й армии на Курском выступе отвечала всем требованиям современной военной науки. Она с успехом выдержала массированные удары артиллерии, танков и авиации противника. И в этом была немалая заслуга Николая Васильевича Крисанова.

Находясь на фронте, Крисанов часто вспоминал о своем учителе и друге Дмитрие Михайловиче Карбышеве, взятом в плен фашистами. Он переживал за него, всеми способами пытался разузнать о его трагической судьбе. В период боев на Курской дуге Николаю Васильевичу удалось напасть на след друга. Вот как он сам писал об этом в своем письме к Любове Дмитриевне: «Любаша, здравствуй! Мы успешно громим фашистские орды. Спешу тебе сообщить новость. Нашими войсками был взят в плен фашист, бывший надзиратель Хаммельбургского лагеря для советских военнопленных. Я его сам лично допрашивал, чтобы выяснить, знает ли он пленного генерал-лейтенанта Карбышева. Он мне ответил, что фамилий он не помнит. Я ему описал наружность Карбышева, и он сообщил следующие интересные подробности:

«Внешность, которую вы мне описали, была у одного пленного, историю которого знал весь лагерь. Мы его называли «Большевистским генералом». Подали ему обед, положенный пленному генералу, создали особые условия, он отказался от привилегий и кушал то, что давали всем пленным.

Приехали из Берлина за ним, обещали ему генеральский чин германской империи. Но от всех благ, которые ему предлагали, он отказался. Пленные в лагере считали его своим вождем, и вскоре командование было вынуждено перевести его в другой лагерь».

Любаша, пока эти сведения нельзя считать достоверными, я еще приму все меры, чтобы уточнить их. Но я этим данным верю. Именно таким и представляю себе Дмитрия Михайловича. Гитлеровцы могли пытаться завербовать его к себе на службу, как известного, талантливого ученого. Коммунист Карбышев, истинный патриот Родины, мне кажется, не только не мог согласиться продать свою Родину из-за личных благ, но считал позором даже разговаривать с теми, кто сулил ему всякие «блага», требуя от него измены. В плен он мог попасть только тяжело раненым. Но и в плену, мне кажется, он не мог нашим пленным не разъяснить правоту нашего дела.

Человек стальной воли, каким был Дмитрий Михайлович, он не мог не вселять советским пленным бодрость духа и веру в победу советского народа.

Карбышева я считаю человеком, в котором нашли отражение лучшие черты советских людей, беспредельно любящих свою Родину, свой народ, Коммунистическую партию, готовых служить им до конца жизни в самых тяжелых условиях, пока бьется сердце. Дмитрия Михайловича я знаю как преданного сына Коммунистической партии, для которого выше всего в жизни долг перед Родиной, партией, народом.

Мне до глубины души больно, я страшно переживаю, что у нас продолжают считать Карбышева добровольно сдавшимся в плен немецко-фашистским войскам. Я считаю, что это очередная фашистская провокация, направленная на подрыв авторитета нашего генералитета.

Любаша, очень тебя прошу, попытайся разыскать семью Карбышевых и узнай, нельзя ли оказать ей помощь. И обязательно расскажи им мое мнение о Дмитрие Михайловиче. Если они наберутся терпения, то, мне кажется, они скоро убедятся, что миф о добровольной сдаче в плен Карбышева сфабрикован фашистами».

Крисанов оказался прав. Дмитрия Михайловича Карбышева действительно оклеветали, он до последнего своего дыхания был предан партии и народу.

Немецко-фашистскому командованию не удалось получить передышки для организации обороны. 18 июля войска Воронежского фронта перешли в решительное контрнаступление и совместно со Степным фронтом разгромили Белгородско-Харьковскую группировку гитлеровских войск и освободили город Харьков.

Войска 38-й армии, наступая в составе Воронежского фронта, прорвали оборону немецко-фашистских войск у города Сумы и 13 сентября вышли на водный рубеж: Бол. Ромен — Сула. Но мосты через эти реки были взорваны. Осуществить же быструю переправу войск штатными переправочными средствами не представлялось возможным. Николай Васильевич созвонился с начальником инженерных войск соседней 40-й армии:

— Петр Иванович, выручай, тону на какой-то паршивой речушке. Вы захватили мосты, давайте вместе будем их эксплуатировать.

— Боюсь, ничего не выйдет — за мосты еще надо драться.

— А ты не бойся. Вместе скорее победим. Итак, договорились?

Левобланговые части 38-й армии, воспользовавшись успехом соседа, переправились по мостам у местечка Чебряки на правый берег Сулы. К этому времени противник, подтянув свежие резервы, в результате неоднократных контратак потеснил 40-ю армию. Переправа у Чебряков и переправившиеся части 38-й армии оказались под угрозой. Командующий 38-й армией послал на этот участок Крисанова, наделив его чрезвычайными правами.

В районе переправы шли тяжелые бои. Наши войска отступали. Враг артиллерийским огнем обстреливал мосты через реку. Участились разрывы снарядов на дороге, по которой мчалась к переправе машина Крисанова. Один вражеский снаряд взорвался совсем рядом, позади машины, через минуту столб дыма и пыли взметнулся впереди машины:

— Товарищ генерал, дальше ехать нельзя. Нужно свернуть с дороги, — обратился к Крисанову шофер.

Судьбу переправы решали минуты. Машина Крисанова без задних скатов остановилась у переправы. На мосту творилось что-то невероятное. С правого берега на мост нахлынули отступающие войска, с левого — части, которые были предназначены для нанесения удара по контратакующему противнику.

Комендант переправы доложил Крисанову, что обслуживающий персонал не в состоянии регулировать движение войск на переправе. Крисанов внимательно выслушал коменданта. При этом взгляд его упал на дрожащие колени подполковника.

— Это все?

— Так точно, все!

— Как же вы допустили такое безобразие? Почему образовалась такая пробка?

— Товарищ генерал, не было никакой возможности остановить отступающих.

— Шляпа вы! — не выдержал Крисанов. — Вы знаете, что за это вас положено расстрелять? — Комендант побелел, его глаза остекленели. — Но я не буду вас расстреливать, а заставлю искупить свою вину... Потрудитесь четко выполнять все мои указания. Вызвать ко мне на правый берег командиров соединений и отдельных частей, которые должны переправляться для нанесения контрудара по врагу. Вам со взводом автоматчиков тоже немедленно переправиться на тот берег и прибыть ко мне.

Командиры отступающих частей столпились у моста. Каждый хотел переправиться первым. Крисанов, одетый в комбинезон, никем не замеченный, находился здесь же.

— Товарищ комендант, со взводом автоматчиков ко мне! — властно подал команду Крисанов.

И только в этот момент суетившиеся у входа на мост командиры заметили генерала.

— Товарищ генерал, по вашему приказанию взвод автоматчиков прибыл!

— От имени командующего армией приказываю командиров стрелкового и артиллерийского полков, создавших пробку, расстрелять через пятнадцать минут, если их подразделения за это время не будут отведены от моста в сторону. Ясен приказ?

— Так точно! Командиров отступающих частей, подразделения которых создали пробку, расстрелять через пятнадцать минут, если они не отведут свои подразделения от моста, — повторил приказ комендант.

— Правильно поняли, выполняйте!

Приказ генерала, как молния, передавался из уст в уста. И, конечно, командиры частей, создавших пробку, услышали его первыми.

Командиры частей и соединений, предназначенных для контрудара, переправились на лодках на правый берег и доложили Крисанову о своем прибытии и о причинах задержки наступления.

— Вы что же, товарищи генералы и офицеры, — спросил их Крисанов, — на лодочках переправлялись? Почему бы по мосту скорее не прибыть?

— На мосту пробка, пушкой не пробьешь.

— Как не пробьешь? — И Крисанов указал в направлении моста. К всеобщему удивлению, там в это время был идеальный порядок: по мосту шли войска с левого берега.

Вдруг недалеко от того места, где стоял генерал Крисанов, разорвался вражеский снаряд. Был тяжело ранен комендант переправы. Остаться здесь было рискованно. Крисанов, приказав, чтобы переправу возглавил командир саперного батальона, увел группу генералов и офицеров в укрытие и от имени командующего поставил перед ними боевую задачу: разгромить группировку противника, вклинившуюся в направлении Чебряков, и любой ценой удержать плацдарм на правом берегу Сулы.

Соединения 38-й армии 16 сентября освободили город

Ромны и вышли на оперативный простор. В октябре, преследуя врага, они приблизились к реке Десне. Путь этот был нелегким. Фашистами были взорваны все мосты, заминированы дороги. Обстановка осложнялась непрерывными осенними дождями. Но инженерные войска под руководством Крисанова с честью побеждали все трудности.

Десна представляла собой тяжелую преграду. Штатных переправочных средств было крайне мало, к тому же их основная часть предназначалась для форсирования Днепра. Но медлить было нельзя. В этих условиях Николай Васильевич Крисанов сумел организовать переправу через реку с помощью подручных средств: рыбацких лодок, плотов и т. д. Водный рубеж был взят.

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

В 1943 году, в результате крупной победы под Курском, началось общее наступление советских войск. По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, основной удар по врагу Советская Армия должна была нанести на Украине. В ходе этого наступления ей предстояло разгромить главные силы группы гитлеровских армий «Юг», освободить томившихся под игом фашизма советских людей и очистить от врага Донбасс и богатейшие сельскохозяйственные районы Украины. Намечалось также форсировать с ходу крупную водную преграду — Днепр и захватить плацдармы на его правом берегу.

38-я армия под руководством генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, преследуя на правом крыле Воронежского фронта отступающего противника, к 22 сентября в районе Дарницы (под Киевом) прижала к Днепру и затем разгромила семь фашистских дивизий. В ночь на 26 сентября соединения 38-й армии, используя подручные переправочные средства, предприняли первую попытку форсировать Днепр, но мощный огонь противника заставил прекратить ее.

Крисанова глубоко волновал исход операции по форсированию Днепра. Он провел большую подготовительную работу. Сотни инструкторов-саперов были направлены им в батальоны, полки и дивизии, чтобы на местах, в конкретной обстановке обучить солдат, сержантов и офицеров искусству форсирования. И только после этого Днепр был форсирован: передо-

вые отряды 38-й армии заняли узкую полосу вдоль берега Днепра в районе села Лютежа.

Занятие плацдарма было всего лишь началом большой битвы за правобережную Украину. Крисанов хорошо представлял себе оперативную обстановку и возможную ликвидацию плацдарма противником. Поэтому он сразу же принял все необходимые меры по укреплению плацдарма и обеспечению переправы через Днепр главных сил армии. Хорошо зная то, что для ведения длительного боя, прежде всего, требуются танки и артиллерия, а также регулярное снабжение боеприпасами, Крисанов в своем докладе командующему армией предложил: «Несмотря на трудности, через Днепр необходимо построить мост на сваях».

Саперы под руководством Крисанова изучали по ночам Днепр: промеряли его глубину и разыскивали выходы на правый берег. Наконец, удобное место для постройки моста было найдено. Командование решило: несмотря на артиллерийский огонь противника, мост у Лютежа необходимо построить за четыре дня. В мирное время, чтобы построить такой мост, потребовалось бы не менее семи-восьми суток. Но теперь надо спешить. За пять-шесть суток противник может подтянуть к Лютежскому плацдарму свои стратегические резервы.

Инженерные войска, руководимые генералом Крисановым, с гордостью отнеслись к выполнению боевого задания. Бойцы и командиры хорошо понимали, что от их упорства, находчивости и мужества зависит освобождение столицы советской Украины Киева.

В эти дни Крисанов не расставался с логарифмической линейкой. Нужно было все рассчитать, предусмотреть, проверить. Наконец, кажется, все готово. Началась постройка моста.

Саперы армейского инженерно-саперного батальона были разделены поротно: две роты работали на берегу, одна — на середине реки, а четвертая занималась заготовкой материала в лесу. На 150 подводах, выделенных стрелковыми дивизиями, бойцы четвертой роты перевозили лес на замаскированную кустами площадку, расположенную в восьмистах метрах выше моста. С наступлением темноты лес переправлялся на плотам непосредственно на строительный участок.

Только развернули работу, выяснилось, что Днепр глубже, чем рассчитывали. Чтобы избежать удлинения срока строительства моста, Крисанов предложил на середине реки, где глубина превышала три с половиной метра, не забивать сваи.

По его мысли, средняя часть моста длиной около 60 метров должна была наводиться с паромов и находиться на плаву. Это в случае надобности давало возможность пропускать через мост плавучие средства, избежать забивки свай на самом трудном участке. А главное — разводка моста днем позволяла скрыть от противника переправу. Командующий армией утвердил предложение начальника инженерных войск.

Сооружать мост пришлось в исключительно тяжелых условиях. Артиллерийские обстрелы, налеты бомбардировочной авиации и, наконец, осенние холода — все это осложняло задачу. Авиационные налеты и артиллерийский обстрел уносили много жизней. Днем сваи не забивались. Небольшие группы саперов лишь выравнивали уже забитые сваи и закрепляли насадки на опорах. Во время налетов авиации деваться было некуда, и, прижавшись к бревнам, бойцы по нескольку раз в день смотрели смерти в глаза.

С наступлением сумерек до рассвета на всем протяжении моста кипела работа. К артиллерийским обстрелам настолько привыкли, что перестали обращать на них внимание. Саперы работали в ледяной воде без одежды, так как важно было сохранить одежду сухой. Костры раскладывать было нельзя. Единственным средством согревания служил бочонок с водкой, к которому через каждые два часа работы подбегали группы посиневших от холода людей за очередной порцией. Несмотря на такие условия, заболеваний почти не было. Впрочем, возможно, нездоровье скрывалось. Люди горели желанием быстрее построить мост.

Командовал саперным батальоном капитан Цицишвили, отличившийся еще под Воронежем и Курском. Крисанов записал о нем в своем дневнике: «Капитан Цицишвили, архитектор по образованию, стройный, подтянутый офицер, грузин по национальности, производил впечатление хрупкого человека. На самом деле он обладал огромной силой воли и мог не спать по нескольку ночей, появляясь в самых опасных местах в нужные моменты. Он был одинаково хороший инженер, прекрасный организатор и беззаветно преданный Советской Родине командир. Может быть, достаточно для его характеристики сказать, что, когда во время постройки моста он был тяжело ранен осколком снаряда, застрявшим в позвоночнике, он не позволил себя эвакуировать; пролежав в армейском госпитале несколько дней (осколок так и не был извлечен), вернулся в батальон.

Весь личный состав батальона прошел трудный путь войны, офицеры и солдаты были закалены в труде и лишениях, спаяны в единую дружную семью. Только с таким батальоном и можно было решать сложные задачи постройки свайного моста в условиях форсирования реки Днепр под огнем противника».

Крисанов руководил своими подчиненными не на расстоянии, а непосредственно на переднем крае — на участке строительства моста.

В один из налетов вражеской авиации Николай Васильевич находился у входа на мост. Спокойно отдав приказание спрятаться всем в укрытие, он окинул взглядом строительство, и в этот момент черный самолет со свастикой сбросил бомбы. Взрыв. В глазах у Николая Васильевича быстро-быстро поплыли облака, и почему-то плыли они по замкнутому кругу. Голова сразу отяжелела. Он попытался ухватиться за что-то, но руки не послушались.

— Товарищ генерал, вы ранены? — спросил подбежавший старший лейтенант Сергеев.

Не получив ответа, он решил волоком тащить Николая Васильевича в укрытие.

— Оставьте меня, — вдруг еле слышно проговорил генерал. — Одним заходом фашисты не ограничатся... Проверьте, чтобы все заняли укрытия...

Тело Крисанова безжизненно повисло на руках старшего лейтенанта.

Когда, уже в укрытии, Николай Васильевич пришел в сознание, то спросил:

— Что произошло? Я ранен?

— Нет, товарищ генерал, вы контужены. Вас приказано эвакуировать в госпиталь.

— Не выйдет, товарищ, военфельдшер... Выполняйте последнее приказание: ни в какой госпиталь я не поеду. Лечите сами.

О контузии генерала и о том, что он остался руководить строительством моста, быстро узнали все. Солдаты, сержанты и офицеры устроили свою энергию.

Сто восемь часов без сна, в напряженных, нечеловеческих условиях люди строили этот мост, и, наконец, 30 октября на рассвете по нему прошел первый танк Т-34. Мост выдержал испытание.

К этому времени войска 38-й армии, ведя героические бои, расширили плацдарм на правом берегу Днепра. Наступление

главной ударной группировки фронта, предпринятое 12 и 13 октября на Букринском плацдарме, захлебнулось. Командующий фронтом приказал подготовить к началу ноября новую наступательную операцию с плацдарма 38-й армии. В конце октября и в начале ноября по мосту, построенному под руководством генерала Крисанова, переправились на Лютежский плацдарм 510 танков, более двух тысяч орудий, 4440 автомашин, 120 тысяч солдат и т. д.

3 ноября после мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации войска Первого Украинского фронта с Лютежского плацдарма перешли в наступление. 5 ноября 38-я армия совместно с другими армиями фронта благодаря смелому маневру ворвались на северную окраину Киева. Всю ночь шли уличные бои, а на рассвете советские войска полностью освободили Киев от гитлеровских захватчиков.

Командование по заслугам оценило боевую деятельность Николая Васильевича Крисанова. Командующий и член Военного совета армии в своем представлении на присвоение генерал-майору инженерных войск Крисанову звания Героя Советского Союза писали: «В период форсирования реки Десны лично организовал переправу 51-го стрелкового корпуса на местных средствах.

Под систематическим артиллерийским огнем и авиационной бомбежкой противника Крисанов лично руководил постройкой 30-тонного моста через Днепр. По этому мосту переправились все части усиления армии и танковый корпус.

Будучи контужен, не оставил руководства строительством моста до полного окончания работ. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

В освобожденном Киеве десятки тысяч советских граждан продолжали находиться в опасности. Немецко-фашистские захватчики оставили в городе тысячи мин и коварных фугасов. В канун великого праздника генерал Крисанов получил задание от члена Военного совета Первого Украинского фронта и руководителя коммунистов Украины Никиты Сергеевича Хрущева: к утру 7 ноября закончить разминирование Киева и обезопасить жителей города.

Саперы Крисанова в течение суток, без отдыха, обезвредили в Киеве тысячи мин и фугасов. Были спасены тысячи человеческих жизней, сотни жилых домов и государственных учреждений. В центре города, на улице Крещатик, фашисты установили серию сложных фугасов замедленного действия. Все разведывательные данные говорили о том, что механизмы

взрыва должны были сработать в 9 часов утра 7 ноября. Учитывая сложность задачи, офицеры саперного батальона сами взялись за ее выполнение. Работа затянулась до 6 часов утра. До взрыва оставалось три часа. И лишь в 8 часов 40 минут под личным руководством Крисанова в исключительно опасных для жизни условиях фугасы были обезврежены. Так было закончено разминирование города.

Киевляне горячо приветствовали воинов-освободителей и с большой радостью праздновали 26-ю годовщину Октября. Но воинам 38-й армии не пришлось участвовать в торжествах: они продолжали стремительно двигаться вперед, на запад.

Для фашистской Германии потеря Киева была тяжелейшим ударом. Гитлеровское командование не могло примириться с потерей такого важного стратегического узла обороны, поэтому оно стремилось во что бы то ни стало очистить от советских войск захваченные ими плацдармы.

Как и следовало ожидать, 8 ноября с помощью прибывших из глубокого резерва танковых дивизий противник начал ожесточенные контратаки. Но к этому времени инженерные войска 38-й армии уже заминировали основные рубежи противотанковыми и противопехотными минами. Генерал Крисанов в ходе боя проводил широкий маневр инженерными частями. Все это позволило быстро увеличить плотность инженерных противотанковых заграждений. Атаки противника захлебывались одна за другой.

Боевые действия 38-й армии во второй половине ноября и в декабре 1943 года отличались умелой, хорошо продуманной организацией устойчивой и глубоко эшелонированной обороны. Создание такой обороны проходило в условиях, когда советские войска вели наступление, а противник, подтянув свежие танковые дивизии, всеми силами пытался прорваться к Киеву и к переправам на Днестре. Немецко-фашистское командование, понеся большие потери на минных полях и противотанковой обороне, было вынуждено отказаться от попытки овладеть Киевом и перешло к обороне.

Вскоре после освобождения Киева, отвечая на вопрос корреспондентов газет «Правда» и «Красная звезда» — в чем секрет того, что инженерные войска, руководимые Крисановым, во время постройки моста через Днестр, под огнем противника выполнили несколько норм, — Николай Васильевич ответил:

— Нет никакого секрета. В этих условиях было крайне необходимо внушить каждому солдату, что судьба скорейшей

победы над фашистской Германией решается на Днестре. Все солдаты и командиры должны были проникнуться сознанием того, какое огромное значение в предстоящей операции имеет обеспечение переправы танков и артиллерии через Днестр. Нужно было довести до сознания каждого воина, что весь советский народ ждет не дожидается скорейшего освобождения столицы Украины Киева... Большое значение имело в эти дни обращение Военного совета фронта к войскам о выполнении своего долга перед Родиной при форсировании Днестра. Зажигательные слова этого исторического обращения явились ключом к солдатским сердцам. Простые и правдивые слова призыва звали на подвиги. Когда предстоящая боевая задача была доведена до каждого воина, вся партийная работа была направлена на то, чтобы коммунисты личным примером увлекали солдат и командиров на образцовое выполнение боевых заданий...

Успех форсирования Днестра и инженерного обеспечения киевской наступательной операции, а также успех 38-й армии в других операциях объясняется массовым патриотизмом и героизмом советских воинов, а также талантливым руководством начальника инженерных войск армии генерала Крисанова. Он обладал глубокими разносторонними знаниями в области инженерного дела. Эти обширные знания у него сочетались с высокими организаторскими способностями, которые он унаследовал от своего учителя, выдающегося деятеля военно-инженерного искусства и народного героя Д. М. Карбышева.

Крисанов в своей деятельности особое место отводил людям. На примере капитана Цицишвили и других офицеров, подчиненных Крисанову, видно, как он умел правильно составлять кадры, воспитывать и выращивать их. Лейтенант Цицишвили в армейском саперном батальоне 38-й армии за короткий срок вырос до капитана, командира отдельного батальона, и заслужил звание Героя Советского Союза.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

В результате крупных побед, одержанных зимой и весной 1944 года, советские войска вышли к Нарве, Пскову и Витебску, освободили юго-восточные районы Белоруссии, правобережную Украину, значительную часть Молдавии и Крыма.

Создались возможности приступить к освобождению Советской Латвии.

Верховное Главнокомандование Советскими Вооруженными Силами решило в июле 1944 года провести стратегическую наступательную операцию с тем, чтобы разгромить группы фашистских армий «Север» и полностью освободить Советскую Прибалтику. Второй Прибалтийский фронт должен был во взаимодействии с соседними фронтами нанести главный удар в направлении на Ригу и рассечь прибалтийскую группировку противника на несколько частей. Для выполнения этой задачи в составе ударной группировки фронта готовилась 3-я ударная армия. Для усиления руководства в эту армию в марте 1944 года были направлены генералы, имеющие опыт прорыва обороны немецко-фашистских войск. Вместе с ними на должность начальника инженерных войск прибыл и Крисанов.

Командующий 3-й ударной армией предупредил Николая Васильевича:

— В ваших способностях не сомневаюсь, но дело не только в вас. Главное: как ваши подчиненные выполняют поставленные перед ними боевые задачи. На это следует обратить особое внимание.

На новом месте не обошлось без трудностей. Некоторые командиры скептически отнеслись к начинаниям Крисанова. Одни говорили:

— Скоро переходим в наступление — зачем столько сил и средств тратить на инженерное оборудование местности? Все равно в земле все останется.

Другие вторили им:

— Незачем пугать нас дорогами. Там, где будет отступать противник, по тем дорогам и мы наступать будем!

— Нет, — спокойно отвечал им Николай Васильевич. — Враг еще силен, он в любой момент может перейти в наступление. Он может попытаться держать нас в напряжении, чтобы не дать возможности снять наши дивизии в случае необходимости на другие фронты. В этих условиях прочная оборона с соответствующим инженерным оборудованием и минными заграждениями не помешает. Учитывая сложность рельефа местности, прошу вас подготовить полки так, чтобы они при наступлении сами обеспечивали себя дорогами...

Крисанов стремился к тому, чтобы его правильно поняли. Терпеливо убеждал он командиров соединений, а на их колкости отвечал разумными доводами. Трудности, связанные с

тем, что некоторые недолюбливали инженерное дело, Крисанов преодолел сравнительно быстро. В этом его поддержал командующий армией.

Враг прикрывался колючей проволокой, минными полями, соорудил дзоты, блиндажи, траншеи. Гитлеровцы надеялись отсидеться за этими укреплениями, сдерживать напор советских солдат, но напрасны были все усилия. Взвились ракеты. Гром пушек возвестил начало штурма советских войск.

Саперы генерала Крисанова были впереди. Задача была не из легких: стремительным броском достичь переднего края врага, расчистить путь пехоте. Огневые точки противника, уцелевшие после удара советской артиллерии, открыли сильный огонь. Казалось, невозможно сделать шага по этому участку, но саперы шли вперед смело, упорно, неотвратно. Достигнув переднего края врага, они приступили к проделыванию проходов в проволочных заграждениях.

Минеры больше ползали, чем ходили, снимая под огнем минометов пушек немецкие мины. Не успев отдохнуть, они уже бежали навстречу вражеским танкам. Мгновенно возникшее минное поле заставляло танки повернуть обратно.

Ни усталость, ни холод, ни дождь, ни пули и осколки, пролетающие над головами, не могли остановить саперов. Все больше появлялось стрел-указателей: «Путь свободен», «Разминировано. Хозяйство Крисанова».

Враг был отброшен с большими для него потерями. Отступая, он взрывал мосты, разрушал и минировал дороги. Применяя авиацию, противник мешал саперам вести восстановительные работы. Полностью сознавая огромную ответственность, которая на них ложится, солдаты, сержанты, офицеры инженерных войск днем и ночью расчищали путь наступающим войскам.

За два дня наступательных боев соединения 3-й ударной армии продвинулись на 35 километров и овладели городом и крупным железнодорожным узлом Идрица, важным опорным пунктом немцев. Соединения и части, наиболее отличившиеся в боях, были представлены к присвоению наименования «Идрицких» и к награждению орденами. Вскоре были взяты города Себеж и Резекне.

«В период наступательных операций, — писали 21 июля 1944 года командующий армией и член Военного совета, — инженерные войска, руководимые Героем Советского Союза генерал-майором инженерных войск тов. Крисановым, обеспечили успех операции.

Благодаря быстрому разминированию маршрутов, приведению в порядок дорог и переправ, войска и техника армии двигались беспрерывно.

За период наступления с 10 июля 1944 года инженерные войска армии обеспечили форсирование рек: Алоля, Черная, Великая, Исса, Зилупе, устраивали броды и переправы, с минимальными потерями.

Благодаря постоянному личному руководству Героя Советского Союза генерал-майора тов. Крисанова, находившегося с передовыми подвижными группами, стремительность и быстрота действий саперов обеспечили сохранение от подрыва противником самых ответственных переправ по основным магистралям продвижения наших войск — железнодорожный мост через р. Великая в районе Козлы и мост через р. Черная у Рудня, через р. Резекне в районе Столерова.

Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск тов. Крисанов достоин награждения орденом Красное Знамя».

В начале августа 3-я ударная армия, встретив упорное сопротивление врага, перешла к обороне. Крисанов в короткие сроки создал прочную оборону и, выполняя приказ командования, приступил к подготовке инженерных войск к наступлению. 13 августа войска армии, отразив контратаки врага, вновь перешли в наступление.

В эти дни Крисанов писал жене: «...Все идет нормально, то есть море постепенно приближается к нам. Немчуру гоним с большими для них потерями. Особенно стараются «катюши». Сотни трупов арийцев, «завоевателей», приобрели себе прочные земельные участки. Интересно, что пленные арийцы имеют довольный вид. Они себя считают людьми, благополучно вышедшими из этой войны.

Пленные показывают, что настроение солдат такое, что сознание о проигрыше войны дошло до них и каждый старается выбраться живым, что, впрочем, далеко не всем удается...»

Советские войска наступали. В результате сокрушительного разгрома противника под Ригой и Мемелем, им удалось прижать к морю в районе между Тукумсом и Либавой и лишить активных действий более тридцати дивизий группы фашистских армий «Север». Судьба немецко-фашистских войск в Прибалтике была решена. В это время 3-я ударная армия была переброшена к Варшаве для выполнения более важной задачи.

В битвах за Прибалтику боевые действия 3-й ударной ар-

ми отличались высокой маневренностью. Командование Второго Прибалтийского фронта перебрасывало ее с одного трудного участка на другой. Ни одна армия фронта не маневрировала так часто, как 3-я ударная армия. Эти маневры были особенно тяжелы для инженерных войск. Каждый километр требовал обеспечения войск, на каждом новом рубеже обороны нужно было создать инженерные сооружения и заминировать танкоопасные направления. Каждый участок наступления необходимо было разминировать и обеспечить дороги для движения войск.

С марта по декабрь 1944 года инженерные войска, руководимые генералом Крисановым, проделали колоссальную работу: установили свыше 80 000 мин; сняли 47 000 вражеских мин; разминировали 4100 километров дорог и 1150 километров дорог отремонтировали; сохранили от подрыва и разминировали 60 мостов; построили 3500 погонных метров новых мостов; обеспечили форсирование многих рек.

В период боев в Прибалтике генерал Крисанов проявил себя талантливым советским военачальником. В его боевой характеристике, написанной 6 декабря 1944 года, говорится: «Зам. командующего, нач. инженерных войск армии Герой Советского Союза генерал-майор инж. войск тов. Крисанов Николай Васильевич в боях за освобождение Прибалтики прекрасно организовал работу инженерных войск, проявляя решительность в проводимых мероприятиях, способствующих успешному продвижению войск армии.

Умелое и решительное руководство инженерными частями позволило быстро и без потерь пропустить войска через мощные инженерные заграждения противника, обеспечив соединения армии дорогами, и в нужный момент широко использовать инженерные средства для отражения контратаки противника...

Инженерная разведка, особенно глубинная, под личным руководством генерал-майора инж. войск Крисанова дала возможность правильно оценить оборону противника.

При быстрых изменениях обстановки генерал-майор инж. войск тов. Крисанов умел вовремя сосредоточить инженерные силы и средства в наиболее важном направлении и добиться максимального эффекта.

Отличная тактическая и специальная подготовка позволяла ему предвидеть ход событий и находить наиболее правильное решение в вопросах инженерного обеспечения войск.

В ответственные моменты, пренебрегая опасностью, генерал-майор инж. войск тов. Крисанов лично руководил инженерными войсками.

В сложных условиях при форсировании реки Айваэкте он организовал своевременное устройство переправ, лично, под артиллерийским огнем и воздействием авиации противника, руководил инженерными работами».

НАЧАЛЬНИК КАФЕДРЫ

В один из декабрьских вечеров под шум артиллерийской канонады в блиндаж начальника инженерных войск 3-й ударной армии вошел начальник отдела кадров армии.

— Здравствуйте, Николай Васильевич! Трудно к вам добираться. Спешил, боялся не застаю вас, не сумею лично обрадовать.

Крисанов вопросительно посмотрел на вошедшего.

— В Москву приглашают вас, на работу...

В январе 1945 года Николай Васильевич Крисанов был назначен начальником кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе. Ему поручили должность, которую до войны занимал Дмитрий Михайлович Карбышев. Ученик повторял путь своего учителя.

Жизнь круто изменилась. Еще шла война, еще погибали советские люди в сражениях, и просто не верилось, что здесь, в аудиториях, может быть так по-мирному спокойно и тихо. Фронт был далеко и в то же время очень близко. Еще слишком горячо было его дыхание. Нужно было время для того, чтобы войти в новую жизнь. День за днем привыкал Николай Васильевич к новой обстановке.

Вскоре после приезда в Москву Крисанов побывал у Карбышевых. Лидия Васильевна встретила гостя радушно. На первый взгляд показалось: она мало изменилась по сравнению с тем, какой Николай Васильевич видел ее перед войной. Но нет, это только на первый взгляд. Трудности войны, переживания сделали свое дело. В глазах Лидии Васильевны уже не было прежней радостной искры. Не такими привык он видеть ее глаза.

— Что слышно о судьбе Дмитрия Михайловича? — спросил Крисанов.

Лидия Васильевна заплакала.

Генерал-майор Н. В. Крисанов — начальник кафедры
Военной академии имени М. В. Фрунзе.

— Вы не поверите, — сказала она, — сколько я пережила. Меня уже начали называть: жена бывшего генерала. Многие ведь верили в то, будто Дмитрий сдался в плен фашистам. Теперь справедливость восторжествовала... Эх, Николай Васильевич, как бы обрадовался Дмитрий, увидев вас заслуженным генералом, Героем Советского Союза!

— Не надо волноваться, Лидия Васильевна. Дмитрий Михайлович оставил по себе добрую память. Народ никогда его не забудет...

Разговор о Дмитрие Михайловиче всколыхнул в памяти многое. Хотелось без конца говорить и говорить об учителе и друге, но жизнь требовала свое: через несколько дней первая лекция — и надо к ней хорошо подготовиться.

Эта лекция была установочной. На ней присутствовал весь профессорско-преподавательский состав кафедры. Николай Васильевич отвык от кафедральных лекций и теперь очень волновался. Как слушатели воспримут его выступление? Дойдет ли до них все, что он им хочет сказать? Поймут ли все, что нельзя отрывать теорию от опыта Великой Отечественной войны?

— В новой войне, если она когда-нибудь разразится, — начал Николай Васильевич, — особое место будет принадлежать инженерным войскам. Это и понятно. Теперь появились новые, более мощные виды вооружения. Войскам необходимо будет маскироваться и зарываться в землю как можно глубже и в очень короткие сроки...

Крисанов сошел с кафедры. Шагая медленно и твердо, как бы в такт своим словам, он приблизился к слушателям. В этот момент Николай Васильевич очень походил на своего учителя Дмитрия Михайловича Карбышева. Та же манера говорить, те же неторопливые жесты, простота...

Крисанов то обращался к развешенным на стенах схемам, расчетам, то показывал модели новой инженерной техники, то демонстрировал отрывки инженерного фильма, где по-новому проводилось разминирование, без непосредственного участия саперов. Слушатели, затаив дыхание, слушали лектора. Все понятно, все очень интересно. Как близки им все эти примеры из опыта Великой Отечественной войны, которые приводил он.

Лекция закончилась аплодисментами. И сразу же лаборант кафедры сообщил Николаю Васильевичу, что его вызывает начальник академии генерал-полковник Чибисов.

Крисанов знал начальника академии по 38-й армии. Вместе они воевали на Воронежском фронте.

— Разрешите, товарищ генерал-полковник?

— Пожалуйста, Николай Васильевич. — Сослуживцы тепло поздоровались.

— Знаете ли, Николай Васильевич, что вы отлично справились с лекцией? Очень хорошо получилось.

Крисанов был в недоумении. Как это он среди профессорско-преподавательского состава не заметил самого начальника академии? Оказывается, Чибисов слушал лекцию у себя в кабинете по радио. Генерал-полковник от души поздравил Николая Васильевича и пожелал ему дальнейших успехов.

Крисанову пришлось разворачивать глыбы целины в методических разработках, в лекционном курсе, в научной работе кафедры. Ему бросилось в глаза, что многие офицеры из профессорско-преподавательского состава, всю войну просидевшие в академии, в своей преподавательской деятельности в основном опирались на давно созданные теории, слабо изучали опыт Великой Отечественной войны. Все это требовалось изжить, а это была нелегкая задача.

Генералу Крисанову было поручено провести третью научную конференцию академии по важной тематике. Николай Васильевич никогда не надеялся на свой старый багаж. В своей работе он всегда опирался на коллектив и других призывал к этому. И на этот раз он ознакомился с материалами прошлых научных конференций, много советовался с секретарем ученого совета академии, представителем учебного отдела, офицерами кафедры.

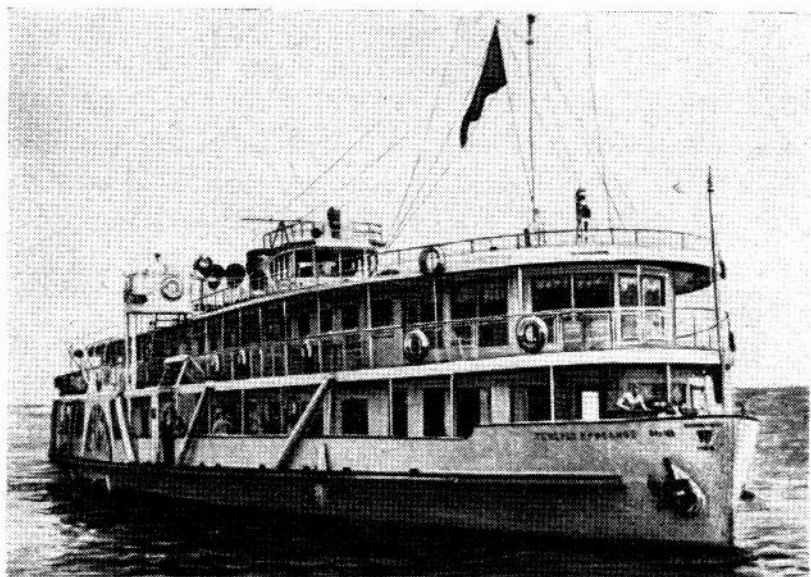
С приближением конференции подготовительная работа не уменьшалась, а, наоборот, увеличивалась. Основные доклады были разосланы по другим академиям, а также по военным округам. Все содоклады были просмотрены Николаем Васильевичем и одобрены на соответствующих кафедрах. Он лично поинтересовался, как идет подготовка выступающих. Заранее были предусмотрены все вопросы технического и материального обеспечения работы конференции.

Третья научная конференция академии прошла на высоком научном и теоретическом уровне. В личном деле генерал-майора Крисанова появилась запись: «...За хорошую работу по обеспечению проведения 3-й научной конференции объявлена благодарность приказом начальника академии».

Николай Васильевич все свои силы, знания и опыт отдавал обучению и воспитанию офицеров Советской Армии. Но долго

работать в академии ему не пришлось. Здоровье, пошатнувшееся в трех войнах, все больше ухудшалось.

12 октября 1948 года после тяжелой и продолжительной болезни Николай Васильевич Крисанов скончался.

Пароход «Генерал Крисанов».

В приказе по Краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова 1-й степени Военной академии имени М. В. Фрунзе 12 октября 1948 года говорилось: «...С 1945 года товарищ Крисанов занимал должность начальника кафедры...

Кафедра под умелым руководством генерал-майора товарища Крисанова выполняла большую учебную и научно-исследовательскую работу по подготовке преданных Советской Родине высококвалифицированных офицеров Советской Армии...

Товарищ Крисанов был высокообразованным генералом, стойким и преданным сыном Коммунистической партии, строгим и требовательным начальником, горячим патриотом нашей Советской Родины и человеком исключительной скромности в быту.

В лице товарища Крисанова Советская Армия потеряла одного из лучших своих генералов, и светлая память о нем надолго останется в сердцах всех знавших его».

...Советский народ высоко оценил деятельность Николая Васильевича Крисанова. По ходатайству командования Военной академии имени М. В. Фрунзе именем сына камского капитана назван один из пассажирских пароходов Камского ордена Ленина речного пароходства. Бывшая Камышловская улица в Перми, на которой до революции жили Крисановы, решением Пермского городского Совета переименована в улицу Героя Советского Союза Крисанова. На здании бывшего Пермского реального училища, где Крисанов получил среднее образование, появилась мраморная мемориальная доска.

Вся жизнь и деятельность Николая Васильевича Крисанова — пример беззаветного служения Родине, народу. Верный сын Коммунистической партии, он был талантливым советским военачальником, высоко идейным, знающим, чутким.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Литература

Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., Воениздат, 1951.
Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1958.
Листовки пермских большевиков. 1901—1917 гг. Пермь, 1958.

Архивные документы

Архив Министерства Обороны СССР (далее: Архив МО). Личное дело генерал-майора инженерных войск Крисанова Н. В.
Архив МО, оп. 9029, д. 21, лл. 6—30; д. 11, лл. 1—10.
Архив МО, оп. 4306, д. 289, лл. 1—60.

Личный архив Н. В. Крисанова (хранится у Л. Д. Крисановой).

Письма и переписка Н. В. Крисанова.

Научная работа Н. В. Крисанова «Саперы на переправах через Днепр».

ОГЛАВЛЕНИЕ

В начале жизни	3
Ученик Карбышева	10
Родина зовет	18
Севернее Воронежа	20
На юго-западном фланге Курской дуги	28
Форсирование Днепра	35
Освобождение Советской Латвии	41
Начальник кафедры	46

Акрам Агзамович Шарипов
ГЕНЕРАЛ Н. В. КРИСАНОВ

Редактор Т. И. Вершинин. Художник Е. И. Нестеров. Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический редактор Г. М. Езов. Корректор Э. К. Актищева.

Подписано к печати 18/VI 1963 г.

Формат 60×84¹/₁₆
ЛБ02564

1,625 б. л. 3,25 п. л.
Тираж 5000 экз.

уч.-изд. 2,75 л.
Цена 8 к.

2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 729.